

Инь Байцай прямолинейно ответил:

— Ты кто такой? Чего вылупился? Глазами меришься?

Инь Байцай не остался в долгу и тоже уставился на него:

— Мой один глаз стоит твоих двух.

Надо признать, глаза у прежнего владельца тела были яркими и живыми, и на этом худеньком, маленьком личике они действительно смотрелись очень крупными. Лю Сяоцин пришел в ярость: с чего это этот «проклятый» вдруг стал таким дерзким? Еще и огрызается!

Он с грохотом поставил на землю деревянный таз:

— Ах ты, проклятый! Да как ты смеешь смотреть на меня такими глазами? Напроситься хочешь?

— Кто проклятый?

— Ты и есть проклятый.

Инь Байцай расхохотался:

— Точно, это проклятый говорит, что он — это я.

Лю Сяоцин, услышав насмешку, лишь теперь сообразил, что попался в собственную ловушку.

— Ты когда это научился огрызаться? Раньше из тебя и слова клещами не вытянешь, прятался от всех, а теперь погляди, какой смелый стал!

Инь Байцай показал ему язык:

— Бе-бе-бе... коротышка.

Услышав, как его обозвали коротышкой, Лю Сяоцин разозлился еще сильнее. Ему уже шестнадцать, но вот беда — ростом он вышел ниже многих других парней. Из-за этого, даже достигнув возраста для брака, он многим был не по душе. Он ткнул пальцем в нос Инь Байцаю и закричал:

— Повтори, если смелый! Смотри, я тебе рот порву!

Инь Байцай его не боялся. С этим парнем он был незнаком, а тот уже не в первый раз цепляется. Прежний хозяин тела, глупышка, все терпел, но он — нет. Жители этой деревни были до крайности суеверны. Инь Байцай появился на свет, когда его мать мучилась в родах сутки напролет, и в итоге сильно подорвала здоровье. Отец и мать души в нем не чаяли, потратили на лечение матери немало денег, но потом отец сорвался со скалы во время охоты и

разбился, а вскоре и мать скончалась от болезни. Деревенские сразу поползли слухи, что это он их «заговорил» до смерти, и многие за спиной прозвали его проклятым. От этих бесконечных сплетен прежний Инь Байцай стал замкнутым, робким и жил в деревне, словно пустое место. Зато работал он усерднее любого мужчины. Он понимал, что к чему, и винил себя в смерти матери, поэтому всегда брался за самую тяжелую и грязную работу. Его руки, которыми едва исполнилось десять с небольшим, были грубыми, как у восьмидесятилетнего старика, и сплошь в мозолях. Деревенские видели только, как быстро и ловко он управляется, но никто не знал, как этот малыш по ночам, спрятавшись под одеялом, тихонько плачет от боли.

Попав сюда, Инь Байцай старался работать поменьше. Пока он молод — это еще ничего, но если запустить себя, то к старости не избежать тяжелых недугов.

Инь Байцай не стал больше отвечать парню. Посмотрев, что одежда в тазу достаточно отмокла, он принялся за стирку. Лю Сяоцин, видя, что тот притих, решил, что запугал его, и фыркнул:

— Трус.

Затем он подхватил свой таз и ушел стирать подальше, словно Инь Байцай был какой-то грязью. Инь Байцай быстро закончил со стиркой, прополоскал вещи в реке, выжал их, бросил в таз и собрался домой.

Лю Сяоцин бросил на него косой взгляд. Непонятно, что такого нашел в этом проклятом Ли Чжэ, что ему так повезло. Ли Чжэ хоть и слыл в деревне Таохуа отъявленным Громилой Ли, но был при деньгах. Как только вернулся — сразу отстроил дом из синего кирпича, да и на охоту ходил, а там деньжата водились неплохие. Сам Лю Сяоцин давно на него заглядывался и был бы не прочь выйти за него, если бы тот прислал сваху. Но Громила Ли даже не взглянул в его сторону, а вместо этого отправил сваху Ли сватать этого проклятого. Говорили, даже пять лянов серебра дал — неслыханно для деревни Таохуа! Обычно за невесту больше трех не давали. Если бы не этот проклятый Инь Байцай, пять лянов достались бы ему, Лю Сяоцину! От одной мысли об этом он злился еще сильнее, вот и искал повод задеть Инь Байцаю.

Вернувшись домой, Инь Байцай развесил чистое белье на веревке, растопил печь и сварил себе каши, заодно приправив ее горстью молодых бамбуковых побегов. Их он нашел в лесу пару дней назад, когда ходил за травой, и тайком накопал. В деревне Таохуа, если бы кто увидел, через три секунды все бы выкопали — жили здесь бедно, и любая дикая зелень или плоды были на вес золота.

Поев, он решил, что пора идти к Громиле Ли готовить обед его племяннику. Закрыв калитку на ключ, он отправился в путь.

Звук ключа в замке заставил малыша, сидевшего во дворе с книгой, вздрогнуть. Его глаза засияли: дядя вернулся! Сегодня он пришел совсем рано. Они договорились: если услышит звук открываемой двери — значит, пришел дядя, а не чужак.

Как только Инь Байцай толкнул дверь, маленький ребенок со слезами на глазах бросился к

нему и обхватил за ногу:

— Мама... Ли Мо так скучал по тебе.

Инь Байцай остолбенел: что за дела? Стал матерью без лишних усилий. Он подхватил ребенка на руки:

— Малыш, разгляди хорошенько: я мужчина, а не твоя мама.

Ли Мо намертво вцепился в его шею и потерся лицом о плечо:

— Ты — мама. Ты так вкусно пахнешь.

Инь Байцай вздохнул: вкусно пахнет? Да как может взрослый мужик пахнуть приятно? Его это просто бесило. Он изо всех сил отстранился и посмотрел малышу в глаза:

— Малой, я не твоя мама. Меня нанял твой дядя, чтобы я готовил тебе еду. Отпусти меня, ладно?

Ли Мо покачал головой:

— Нет, отпущу — мама убежит.

И снова крепко обнял его. Инь Байцай попытался успокоить его:

— Не убегу, отпусти, я же задыхаюсь.

Неизвестно, какое именно слово так подействовало на Ли Мо, но он вдруг разрыдался:

— Не умри! Я не хочу, чтобы мама умерла! У-у-у...

Инь Байцай, видя, что сам же и довел ребенка до слез, похлопал его по спине:

— Все, не плачь, не плачь. Мама не умрет.

Про себя он ругал себя за бесстыдство: надо же, пользуется ребенком, называя себя его матерью. Ли Мо, услышав это, сквозь слезы улыбнулся:

— Правда?

— Правда, правда. Отпусти, я пойду приготовлю тебе поесть.

Ли Мо наконец разжал руки. Инь Байцай попытался спустить его на землю, но тот ни в какую — вцепился в воротник:

— Мама, ты спустишь меня, чтобы убежать? Мо Мо не слезет.

Инь Байцай снова вздохнул:

— Не убегу. Слезай, мне же надо готовить. Ты не проголодался?

Ли Мо покачал головой:

— Мо Мо не голоден.

Но его живот в этот момент громко заурчал. Инь Байцай усмехнулся:

— Маленький врунишка, а говорил, что не голоден. Слезай, я покормлю тебя.

Ли Мо послушно позволил себя опустить, но остался висеть на его ноге, как живая подвеска. Пришлось Инь Байцаю так и ходить, волоча за собой «хвост» — в конце концов, держать за ногу было лучше, чем когда душат за шею.

Войдя на кухню Громилы Ли, он увидел уже готовый обед. Инь Байцай растопил печь и поставил еду разогреваться. Вскоре все было готово, и он выставил угощение на стол. Ли Мо по-прежнему следовал за ним по пятам. Инь Байцай заметил упавшую на пол книгу, поднял ее и перелистал пару страниц. Иероглифы показались знакомыми, хотя писать он их не умел — чем-то напоминали старый стиль письма Хуаго.

Инь Байцай усадил Ли Мо на табурет и спросил:

— Малой, ты что, читать умеешь?

Ли Мо недовольно надул губки:

— Я не малой! Мама, почему ты больше не называешь меня Мо Мо? И почему только сейчас пришла? Я ведь так скучал.

— Хорошо, Мо-малыш, но ты так и не ответил на вопрос.

Ли Мо снова надулся:

— Это дядя научил меня буквам. Мама, дядя такой хороший.

Инь Байцай удивился. Значит, Громила Ли умеет читать? Вот это да! Говорили, что его насильно отправили в армию родственники по отцовской линии. Пробыл там больше десяти лет, вернулся не только с деньгами, но и грамотный — видать, неплохо устроился! Насколько он знал, в деревне Таохуа читать умели единицы, разве что Тянь Вэньян.

Видя, что Инь Байцай задумался, Ли Мо позвал его:

— Мама, Мо Мо голоден, я хочу есть.

Очнувшись, он улыбнулся:

— Хорошо, Мо-малыш, сначала съешь яичко.

— Мама тоже ешь.

— Я не голоден, ешь ты, а то остынет.

Даже во время еды Ли Мо не сводил с Инь Байцая глаз, боясь, что тот внезапно сбежит. Инь Байцай же ломал голову, как бы ему отделаться от этого малыша — уж больно пристально тот следил.

<http://bllate.org/book/21859/2268328>